

ки эти не очень многочисленны, но вполне однородны. К их числу относится ряд обломков тонкостенных сосудов из бесцветного стекла, характерных для начала II в. н. э.; близки по времени обломки краснолаковой керамики конца I и начала II в. н. э., обломок светильника. Время, близкое рубежу I и II вв. н. э., и являлось, очевидно, временем сооружения дома, которому принадлежал открытый в 1951 г. дворик.

Если указанная дата верна, исследованный двор приобретает особый интерес. При сравнительно хорошей осведомленности о строительстве эллинистической Ольвии, мы очень слабо знаем, каковы были дома Ольвии в первые века н. э. Здесь перед нами, правда, лишь часть такого дома, но часть важная, позволяющая установить существование в Ольвии первых веков н. э. типа перистильного дома, имевшего в своем строительстве ряд своеобразных черт, но сохраняющего традиции эллинистического времени, притом именно того типа, который был распространен в Ольвии III и II вв. до н. э. Сам по себе факт применения в первые века н. э. типа перистильного дома не нов — известны многочисленные примеры подобных же зданий. Но для Ольвии, да и вообще для Северного Причерноморья, с таким случаем мы встречаемся впервые.

Возникает ряд вопросов. Остались невыясненными помещения дома, общий его план. Неясно и то, впервые ли возникло здесь на рубеже I и II вв. н. э. такого рода здание, или оно было построено на месте подобного сооружения, существовавшего уже в эллинистический период. Для последнего предположения, есть, повидимому, некоторые основания: среди строительных остатков эллинистического слоя был обнаружен барабан колонны иной, большего диаметра, чем колонны исследуемого дворика. Но решить все эти вопросы или хотя бы некоторые из них могут только дальнейшие раскопки.

Выстроенный в конце I или начале II в. н. э. двор продолжал бытовать и в более позднее время, но уже в значительно измененном виде. Поврежденная вымостка, а иногда и хорошо сохранившиеся ее части, были покрыты плотным слоем утрамбованной глины, доходящей местами почти до поверхности плит стилобата. На севере стилобат, за исключением западного его конца, разобран: сюда пристроили небольшое помещение, стены которого сложены из различных камней более древних построек. Разобран стилобат и на юге, причем параллельно ему, ближе к северу, сооружается новая кладка; в качестве строительного материала здесь используется все, что нашлось, вплоть до интересной декоративной колонки (см. рис. 2, где упомянутая кладка находится на переднем плане). В северной части двора на вымостке выстраивается другая кладка, изогнутая, своим западным концом находящаяся на стилобат в северо-западном углу дворика; огражденное этой кладкой и стенами нового помещения пространство служило складом амфор, которых здесь было обнаружено свыше 30. Амфоры устанавливают дату указанных построек — все они относятся ко времени не ранее конца II, преимущественно к III в. н. э. Прежний перистильный двор в это время уже не существует.

Открытие перистильного двора является одним из важных результатов работ 1951 г., пополняющим крайне недостаточные сведения о домах Ольвии в первые века н. э.

Т. Н. Книпович

О РЕКОНСТРУКЦИИ ОЛЬВИЙСКОГО ЖИЛОГО ДОМА II в. до н. э., ОТКРЫТОГО Б. В. ФАРМАКОВСКИМ в 1902—1903 гг.

До недавнего времени жилой дом II в. до н. э., раскопанный в Ольвии и реконструированный по остаткам, найденным Б. В. Фармаковским и П. П. Покрышкиным в 1902—1903 гг., являлся единственным памятником этого рода на нашем Юге. Раскопки, производившиеся В. Д. Блаватским на городищах древних Фанагории и Пантикапея,

Г. Д. Беловым — на городище Херсонеса, а также работы других археологов, выявили много новых остатков эллинистического жилища. Однако все это еще не дает достаточного материала к реконструкции целого дома, и только дальнейшие находки покажут настоящий его облик. Пока же реконструкция Б. В. Фармаковского является единственным примером такого жилища, который приводится в советской научной и научно-популярной литературе.¹ Между тем, при первом, даже самом поверхностном анализе этой реконструкции бросается в глаза академичность ее архитектуры, композиционная несвязанность, архитектурная немасштабность, абсолютно не свойственные греческой архитектуре эпохи эллинизма. Весь облик этой композиции как-то не вяжется с характером домов, дошедших до нас в большей или меньшей сохранности в других местах эллинистического мира. А примеров теперь накопилось уже достаточно, чтобы иметь более или менее верное суждение о характере жилой эллинистической архитектуры. Раскопки Приены, Делоса, Афин, последние раскопки в Помпее, Геркулануме, Олинфе и Фанагории дают нам для этого достаточный материал. Общность характера жилищной архитектуры этих столь различных территориально мест позволяет предполагать, что и Ольвия не должна выпадать из общего стиля и характера эллинизма.

Вышеприведенные соображения и вызвали попытку реабилитировать находящийся на нашей территории памятник эллинистической эпохи от чуждого ему сухого академизма «виньоловских канонов», от которых не свободна упомянутая реконструкция.

Материалом для настоящего исследования послужило очень подробное и тщательное описание раскопок в Ольвии, производившихся Б. В. Фармаковским в 1902—1903 гг., опубликованное в 13-м выпуске «Известий Археологической комиссии» в 1906 г. Судя по этим описаниям, от дома, открытого раскопками, осталось очень мало. Фрагменты здания были найдены под курганом позднеримской эпохи, после его частичного удаления. Наиболее интересной находкой, относящейся ко II в. до н. э., является пол, выложенный разноцветной галькой по типу мозаики и украшенный богатым орнаментом. Кроме этого, были найдены обломки капителей колонн и фрагментов антаблемента, а также мелкие частицы керамики и цветной штукатурки, незначительные остатки кладки, цистерна и основания для бывших стен. Совершенно очевидно, что материалов для реконструкции было очень мало. Внимательно штудировав опубликованное Б. В. Фармаковским описание раскопок, сразу же наталкиваешься на большой разрыв, а в некоторых местах и на прямые противоречия между фактами и реконструктивными выводами. Выводы Б. В. Фармаковского относительно типа ольвийского дома, сделанные на основании материалов раскопок, не вызывают сомнений. Он определяет его как тип перистильно-простадного дома. Мы знаем хорошие примеры простых домов Приены, и наличие в Ольвии переходного типа — от простады к перистилью достаточно убедительно подтверждается дошедшими до нас остатками.

Менее убедительными представляются вычисления количества и размеров колонн портиков перистиля: здесь Б. В. Фармаковский канонически ограничивает композиционные возможности греческой архитектуры. Он утверждает, например, что «в портике не может быть интерколумниев разной величины»². А целый ряд эллинистических домов показывает обратное, например, дом Менандра в Помпее. В общем же с расстановкой колонн в портиках можно согласиться, хотя и сам Б. В. Фармаковский сомневается в несколько тесной расстановке их: интервал получается примерно в 1 м, при колоннах в 50 см диаметром. Сличая такую расстановку с помпейскими портиками, мы найдем довольно близкую аналогию в габаритах. Эта несколько частая расстановка столбов может быть объяснена и чисто конструктивной логикой. Судя по результатам раскопок, колоннады портиков двора были перекрыты антаблементом из местного тесаного камня. Размер глыб известняка диктовал и пролеты, которые не могли быть значительными. Таким образом, можно считать, что колоннады перистиля могли соответствовать действительности, и их реконструкцию можно признать правильной.

¹ Л. М. Славин, Древний город Ольвия, Киев, 1951, стр. 26.

² ИАК, XIII (1906), стр. 58.

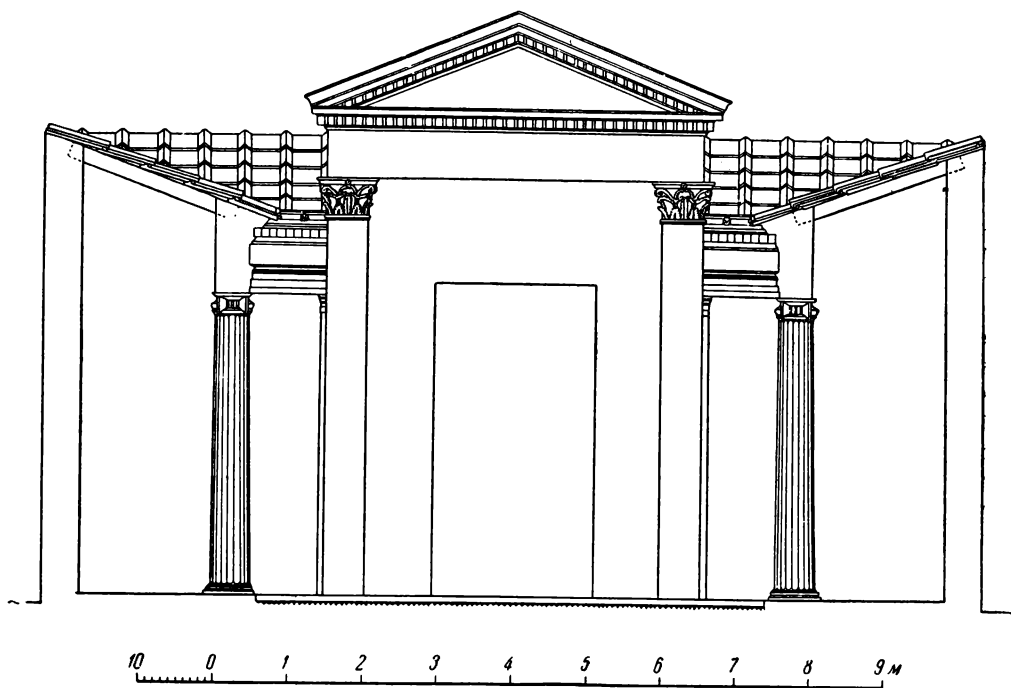
Переходя к вопросу о реконструкции простады в ольвийском доме, мы встречаемся с рядом натяжек, допущенных Б. В. Фармаковским. Сам Б. В. Фармаковский приводит описание греческого перистильно-простадного дома, сделанное Витрувием, в котором говорится, что «анты простады делаются на большом друг от друга расстоянии» (Витрувий, VI, 7). В греческих домах, открытых в Приене, однако, в простадах, когда расстояние между антами того требовало, ставились колонны. В ольвийском доме расстояние между антами М и Р составляет 3,50 м. В Приене, в домах, где имеются в простаде колонны, оно бывает обыкновенно больше (несколько более 5 м). Поэтому у ольвийского дома можно было бы принять простаду и без колонн, как в описании Витрувия. Между тем, Б. В. Фармаковский, хотя и знал об отсутствии колонн в простаде, тем не менее поставил их в своей реконструкции только на том основании, что этим выдерживается повсеместно идентичный междуколонный интервал, говоря при этом, что, «приняв их, мы получаем для двора, как нам кажется, и более стройную общую композицию». Мы не можем согласиться с этим аргументом.

Другим спорным вопросом, который Б. В. Фармаковский пытается обосновать, входя в противоречие с известными ему фактами, является реконструкция второго этажа над простадой. Этим он отчасти объясняет необходимость постановки двух колонн в простаде. Наличие второго этажа над простадой Б. В. Фармаковский обосновывает тем, что под стенами, ограничивающими простаду, были заложены фундаменты более сильные, чем под остальными стенами. Никаких других данных у него для этого нет. Однако, если бы был второй этаж, то сохранились бы хоть какие-нибудь остатки междуэтажного перекрытия. Нет также никакого основания лестницы, которая вела наверх. При раскопках домов Олинфа сохранились основания под деревянную лестницу, ведущую на 2-й этаж. Здесь же, при наличии сохранности поверхности полов, смазанных, как в Приене, глиной, места постановки лестницы отсутствуют. Больше даже, — Б. В. Фармаковский приводит факты, которые, по нашему мнению, доказывают отсутствие второго этажа. Так, он сообщает следующее: «Пол помещения № 1 покоится на площадке, которая вся сплошь состоит из слоев золы и глины. Едва ли, однако, помещение № 1 было открытым. На полу этого помещения в большом количестве найдены были куски черепицы, горелого дерева и соломы...». «Все эти черепицы, очевидно, принадлежали крыше, обвалившейся при пожаре. Так как черепица покрывала почти сплошь все помещение № 1, то, конечно, над ним была крыша». Совершенно очевидно, что во время пожара крыша рухнула на пол, и до нас, кроме черепицы, дошли остатки обгоревших деревянных стропил крыши и, что особенно важно, остатки соломённого отопления под черепицей. Но раз так, то обвалившаяся крыша должна была обрушиться и междуэтажное перекрытие, что увеличило бы количество горелых остатков, среди которых должны были сохраниться остатки самого междуэтажного перекрытия. Ничего этого на глиняном полу первого этажа обнаружено не было.

Наконец, остается вопрос об усиленных фундаментах под помещениями № 1 и 2, на основании чего Б. В. Фармаковский предполагает наличие над этими помещениями второго этажа. Нам кажется более правильным предположить, что помещения № 1 и 2, образовавшие выходящую в перистиль простаду, были выше остальных помещений дома, что соответствовало бы и идентичным простадным решениям приенских домов и традициям эллинистической жилой архитектуры, повсеместно применявшей повышенные главные помещения в доме. Более высокие помещения требовали и более толстых стен, поэтому и фундаменты под этой частью здания были усилены. Такая гипотеза не противоречит ни одному из фактических данных раскопок, вполне отвечает принципам композиции жилой архитектуры эллинизма и общему архитектурному масштабу здания и, наконец, дает архитектурно-композиционное ядро перистильному двору, которое отсутствует в реконструкции Б. В. Фармаковского.

Следует также поставить вопрос о внешнем облике простады ольвийского дома. Б. В. Фармаковский, реконструируя второй этаж над простадой, ставит там коринфские колонны над ионийскими колоннами нижнего этажа. Основанием для этого ему послужил осколок абака с коринфским угловым завитком. Базируясь на этом завитке,

он и реконструировал верхний ярус, исходя из ордера памятника Лисикрата, ничем при этом не обосновывая своего выбора. Вряд ли можно считать уместным применение лисикратовских декоративных полуколонн в конструкции эллинистического жилого дома. Это уже элемент крайнего академического эклектизма. Гораздо правильнее предположить, что это был осколок капители коринфского или углового ионийского анта, поддерживавшего фронтон простადы. Тем более, что никакого намека на какие-либо другие остатки коринфской колонны раскопки не дали. Квадратные же камни антов могли быть использованы вместе с квадратами стен на другую кладку.

Новая реконструкция ольвийского дома

Приведенные выше соображения позволяют подвергнуть сомнению предположения Б. В. Фармаковского относительно второго этажа дома в Ольвии, а также выдвинутую им реконструкцию архитектурной обработки простადы ольвийского жилища.

На основании данных о раскопках самого Б. В. Фармаковского, а также в свете новейших данных о жилых домах эпохи эллинизма, можно предложить несколько иной вариант реконструкции ольвийского дома, более соответствующий эллинистическим традициям и более близкий к памятникам этой эпохи, дошедшим до наших дней в лучшей сохранности (см. рисунок).

Относительно типа ольвийского дома мы уже указывали, что определение Б. В. Фармаковского вполне справедливо. Это переходный перистильно-простадный дом, описанный Витрувием и имеющий примеры, хотя бы в виде дома «Золотых амуров» или дома Марка Лукреция в Помпее. В обоих случаях мы видим повышенный простадный портик, доминирующий над перистилем и являющийся его композиционным центром. В простадных домах Приены мы видим то же самое — простада доминирует над двором, так что повышенная простада является как бы установившимся приемом в общей композиции жилища. Говоря об интервале между антами ольвийского дома, Б. В. Фармаковский указывает, что расстояние в 3,50 м слишком велико, чтобы можно было обойтись без промежуточных столбов. В отношении колонн перистиля это было справедливо, так как были найдены части антаблемента из тесаного камня, перекрывавав-

шего ионийские колонны. Но Б. В. Фармаковский не учитывал, что в эллинистических жилищах, да и вообще в греческой архитектуре широко применялось дерево, а для деревянной балки пролет в 3,50 м является вполне нормальным. Все перистильные портики Помпеи перекрывались деревянными архитравами. Помпея находилась в местности, богатой лесом; возможно, что степной характер окрестностей Ольвии заставлял экономить дерево, заменяя его по возможности камнем, но в известном количестве дерево все-таки употреблялось — для больших пролетов, стропил и обрешетника кровли, а также для столярных работ. Таким образом, наличие деревянной балки, положенной на анты коринфского типа, вполне разрешило бы все недоумения относительно конструкции ольвийской простады и вполне соответствовало бы эллинистической технике массового жилищного строительства. С другой стороны, сочетание высоких и низких столбов является одним из характерных приемов эллинистической архитектуры, и простада на двух коринфских или ионийско-коринфских антах, возвышающихся над кровлей портиков двора, дала бы законченную композицию. Трудно, конечно, восстановить капители антов простады по одному лишь кусочку абака с завитком угловой волюты, тем более что эллинизм очень свободно трактовал коринфскую капитель, особенно в жилых домах. Для реконструкции мы можем взять одну из найденных в Милете коринфских антовых капителей, ибо в архитектуре Милета и Ольвии могли быть общие традиции. Уклон фронтона, заданный найденной коньковой черепицей, представлен в несколько свободной, «жилой», профильной трактовке. Возможно, что карнизы и профили фронтона были выполнены из штукки и керамики и расписаны орнаментальными мотивами в духе греческой полихромии. Антаблемент портиков также исправлен относительно реконструкции Фармаковского. Каменные симы и выносные плиты заменены керамиковыми, согласно помпейским образцам и греческим традициям. Каменные гуськи стал употреблять только Рим, в Греции гусек являлся желобом и лишь на фронтонах монументальных сооружений делался иногда каменным. В портиках, а возможно, и в простаде плоского потолка, повидимому, не было, очевидно, были просто обрешетины с уложенными по ним черепицами — так, как это имеет место в портиках Помпеи. Стены помещений были оштукатурены и покрыты фреской в духе помпейского I стиля — остатки этой росписи видны на кусках штукатурки, найденных на полу. Следует отметить, что открытый В. Д. Блаватским при раскопках Фанагории в 1939 г. большой фрагмент стеновой росписи сходен с расписной штукатуркой из Ольвии и дает ясное представление о внутренней декорации дома в городах Северного Причерноморья.

В заключение необходимо заметить, что по смыслу составленного на основании раскопок плана, а также по аналогии с Приеной и Делосом, вход в дом с улицы представляется с диаметрально противоположной стороны, чем предполагает его Б. В. Фармаковский. Аргументация отсутствием мостовой мало убедительна. Также вызывают сомнения предположения относительно нескольких перистилей в доме. Базироваться только на буквальном описании Витрувия нельзя, а фактического материала, убедительно это доказывающего, нет. В то же время Приена, Ольвия и Делос представляют массу примеров очень небольших по размерам домов, заполнявших многие кварталы эллинистического города, а скромный характер отделки ольвийского дома не дает оснований предполагать наличие обширного владения. По всей вероятности, здесь имеет место квартал тесной городской застройки, в конгломерат которого и был вкраплен рассматриваемый нами ольвийский дом.

И. Н. Соболев